

Известия. 1999. 25 дек. с. 2

Поп-артист СССР

Шестое явление Ильи Глазунова в Манеже

Ольга КАБАНОВА

На вернисаж самого популярного в СССР художника собрался весь политический бомонд России и окружающие его лица: Лужков, Примаков, Коржаков. Путин, как сообщил на пресс-конференции художник, звонил и обещал приехать в воскресенье. Трудно представить, с каким чувством будет рассматривать потенциальный президент эпохальные «историко-философские полотна» (так в пресс-релизе) площадью более 30 квадратных метров.

Например, «Рынок нашей демократии» в раме из сорокопий долларовых бумажек, где сотни персонажей воплощают всю правящую бал в стране нечисть: наркоманы, проститутки, рокеры, торговцы с плакатом «Продаем русских детей», сами бледнолицые и синеглазые худосочные русские дети с плакатом «Микки Маус — мать родная», серая, словно только из преисподней, Елена Ханга в телевизоре с надписью «Превратим Россию в Содом и Гоморру». Здесь же Ельцин, сам Глазунов, пятиконечная звезда и масонский треугольник.

Приемом же Глазунов пользуется одним, принесшим успех его

«Мистерии» еще в начале восьмидесятых. Берутся изображения известных людей, популярные социальные типажи (особенно любимы блудницы), знаковые образы массовой культуры («Родина-мать» с военного плаката, красноармеец с картины Дейнеки) и разбрасываются по холсту, разделенному на светлую и темную части. Силы добра и света олицетворяют царская фамилия, голубоглазые отроки, сам художник Глазунов и его семья, русское воинство, дворянство и духовенство. Силы зла и тьмы — Ленин, Сталин, матрося, солдатня, демократы, свиньи, американцы, масоны и мировой сионизм. Весь этот живописный винегрет огромного размера есть не столько живопись (пишет Глазунов скоро и небрежно), сколько идеология.

Благодаря этой идеологии художник Илья Глазунов стал неслыханно популярен в СССР. Последовательно, одним из первых, он преподнес скучающей, обиженной, недовольной жизнью, бедной духовно и обделенной материально советской публике гремучую идеологическую смесь из монархизма и национализма, приправленную православной риторикой и расхожим мистицизмом, упакованную в

доступную восприятию, зрелищную живописную форму. Илья Глазунов раньше других — залого до «Памяти» и Жириновского — овладел популистской демагогией. И она не подвела.

Очереди на его выставки в Манеже были огромны. Книжки отзвонив лопались от восторгов. Скандалы гремели по стране и откликались в мире. Найда себе высоких советских и венценосных западных покровителей испытанным художническим способом — льстивым портретированием, он сумел слиться с отъявленным антисоветчиком и делать огромные выставки у стен Кремля. Феномен беспрецедентного для художника успеха Глазунова заслуживает серьезного изучения, героями которого должны стать болезненно-агрессивное сознание и подсознание советского обывателя.

Теперь изменилось многое — но не Глазунов. Он и сегодня говорит о себе как о великом, но постоянно травимом и гонимом художнике, которому власти недодали почестей и денег. Интересно, как встретит его новые произведения публики. Одно можно сказать точно: многим Глазунов покажется не великим или ужасным, а смешным. Как Жириновский.